

3. Православная Вологда в вихре богоборчества

В условиях послереволюционной перестройки общества наиболее радикальным изменениям подверглись духовно-культурные устои старой Вологды. В первую очередь это коснулось многовековой православной традиции. Первый удар по ней был нанесен в 1918 году. Тогда были закрыты монастыри: мужские Свято-Духов и Спасо-Прилуцкий, Горний Успенский девичий. Упраздняя монастырские корпорации, местные власти не закрывали монастырские храмы, которые приобрели статус приходских. При этом часть монахов до 1923–1924 годов оставалась жить в стенах бывших обителей, а затем некоторые из них поселились в близлежащих домах вологжан, зарабатывая на хлеб своим трудом.

Одновременно были закрыты духовные учебные заведения, а также в течение 1918–1919 годов практически все (за исключением домового храма при Архиерейском доме) домовые церкви города: церковь Александра Невского при детском приюте, церковь Александра Невского при реальном училище, церковь Сошествия Святого Духа при мужской гимназии, Покрово-Александровская церковь при женской гимназии, три церкви в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» (при тюремном замке, при арестантском отделении, при больнице губернского земства), Кирилло-Иоанно-Богословская церковь при духовной семинарии, Введенская церковь при епархиальном женском училище, Воздвиженская церковь при Архиерейском доме и холодные храмы Екатерининской и Кирилло-Рошенской церквей.

Церковное и богослужбное имущество действующих храмов переходило в ведение городского Совета и подлежало осмотру, оценке и описи специальной комиссией, в которую входили представители Госмузея, Техстроя, губернского административного отдела исполкома. Согласно Декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, национализированные храмы и всё находившееся в них церковное имущество на договорных условиях передавались во временное бесплатное пользование общинам верующих. Для этого необходима была группа не менее 20 человек, которые были бы уполномочены верующими принять под свою ответственность церковное имущество.

Упомянутые изменения тогда еще не привели к разрушению исторически сложившейся приходской сети и православной топографии Вологды.

Болезненный удар по вологодским храмам был нанесен в 1921–1922 годы, когда обширные районы страны охватил голод. Вологодское духовенство и религиозные общины активно включились в кампанию помощи голодающим. Однако на государственном уровне их деятельность не была поддержана. Всероссийский церковный комитет, занимавшийся организацией помощи голодающим, был заподозрен в антисоветских действиях и решением властных органов 27 августа 1921 года распущен. Собранные им средства были реквизированы, а самостоятельная работа церкви по сбору пожертвований запрещена. И все же инициативная работа религиозных общин по оказанию помощи голодающим продолжалась. Сборы производились во время богослужений: на тарелку членам приходских общин или в специально устроенные при входе в храм кружки. Практиковались также обходы домов прихожан, хождение с иконами для сборов в государственные учреждения и т. п. Уже в октябре 1921 года в помгол (комитет помощи голодающим) поступили первые денежные пожертвования от православных приходов, размер которых достигал порой значительных сумм.

Местные власти получили секретные указания по учету, изъятию и сосредоточению церковных ценностей. 8 марта 1922 года была образована Вологодская городская комиссия, которая должна была сверить храмовые инвентарные книги, установить порядок и определить время изъятия церковных ценностей. Основная ставка

316

*Преподаватели и ученицы последнего выпуска
Вологодского епархиального училища.
Фотография 1918 года*

В начале 1922 года общиной Спасо-Всеградского собора с целью помощи голодающим собрано: жемчуга – 20 золотников 36 долей, серебра – 5 фунтов 43 золотника, золотая брошь, серьга, брошь с бриллиантами и 7 жемчужинами, 2 ордена Станислава II и III степеней – 7 золотников; общиной кафедрального собора: золота – 11 золотников 74 доли, серебра – 18 фунтов 16 золотников 60 долей; приходами церкви бывшего Успенского женского монастыря – 9 фунтов 35 золотников; Свято-Духова монастыря – 7 фунтов 58 золотников 24 доли; Екатерининской церкви – 8 фунтов 38 золотников 24 доли и т. д.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 889. Оп. 1. Д. 11. Л. 2; Ф. 5. Оп. 1. Д. 306; Красный Север. 1922. 29 марта.

В системе русских мер 1 фунт (0,40951241 кг) составлял $\frac{1}{40}$ пуда. Фунт равнялся 32 лотам, или 96 золотникам, или 9216 долям.

В период с 17 марта по 1 июня 1922 года городской комиссией из вологодских храмов были изъяты следующие ценности: золота – 3 фунта 85 золотников 42 доли; серебра – 110 пудов 4 фунта 91 золотник 27 долей; жемчуга россыпью – 2 фунта; больших жемчужин – 614 штук; жемчуга в шитье – 1 пуд 2 золотника 10 долей; драгоценных камней – 5269 штук (из них бриллиантов – 1165 штук, алмазов – 586 штук, расколотых бриллиантов – 4,5 штуки, рубинов – 363 штуки и пр.); напрестольных Евангелий в окладах – 30 экземпляров, общим весом 17 пудов 11 фунтов 73 доли.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 889. Оп. 1. Д. 11. Л. 15.

317

Переоборудование закрытого Спасо-Всеградского собора под Дом искусств в 1924–1925 годах началось со сбрасывания колоколов

Органы ОГПУ отреагировали на факт закрытия церквей в 1924 году наиболее откровенно: «Немало трудов было положено по очистке этой центральной городской площади от звона колоколов и поповского хождения с разными крестными ходами в центре города. Все эти религиозные организации из центра следует выпирать на всполье, поближе к свалочным местам, а там они замрут естественной смертью».

Архив УФСБ по Вологодской области. Ф. 3. Т. 18. Л. 284.

318

Никольская церковь на Сенной площади. Фотография 1910-х годов

В нереализованном проекте 1938 года по устройству отдела антирелигиозного музея в Софийском соборе значилось:

«В соборе желательнее организовать галерею великих мыслителей человечества, своим учением разрушавших веру в Бога и служивших духовному раскрепощению трудящихся. Галерею следует закончить портретами Маркса, Энгельса и Ленина. Здание Софийского собора должно быть отремонтировано. Надгробия архиерейских могил должны быть убраны — музей не является пантеоном мракобесов».

Вологодский областной архив новейшей политической истории. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 185. Л. 23–24.

В марте 1929 года в Софийском соборе был установлен маятник Фуко, чтобы вологжане могли получить наглядное подтверждение вращения Земли вокруг оси.

была сделана на богатые храмы. Все изъятые из церквей имущество предписывалось отправлять в губернский финансовый отдел и оттуда — в Государственное хранилище. Реализации ценностей (то есть их продажи) на местах не допускалось. Эта комиссия уже 17 марта 1922 года приступила к работе.

К тому времени, несмотря на запреты властей, церковные общины Вологды в ответ на воззвание Патриарха от 28 февраля 1922 года и пасхального послания епископа Вологодского Александра (Надеждина) продолжали добровольные сборы пожертвований. В феврале 1922 года в Вологде были проведены три духовных концерта знаменитого московского архиерея Константина Розова и хора В. А. Воронина. Средства, полученные от концертов, было решено передать в пользу голодающих Поволжья. Таким образом, еще до начала работы комиссий по изъятию церковных ценностей православная Вологда внесла реальный вклад в общероссийскую акцию помощи. Однако, согласно полученному предписанию, добровольно переданные религиозными общинами ценности належало фиксировать как изъятые. Это давало формальный повод для утверждения, что никакой помощи голодающим от церковных организаций Вологды на данном этапе не было. Вся работа по изъятию ценностей проводилась в спешном порядке. Изъятые ценности были отправлены в Москву. Приходским храмам Вологды тем самым был нанесен непоправимый материальный ущерб.

Первые изменения в приходской сети Вологды приходятся на начало 1924 года и связаны с закрытием четырех храмов на площади Революции: Спасо-Всеградского собора, Иоанна Предтечи в Рошенье, Никольской и Афанасиевской церквей, а также Софийского собора на Соборной горке.

Выбор был сделан не случайно. Все четыре указанные церкви оказались более всего приближены к новому партийно-административному и культурно-просветительному центру города. Присутствие такого количества православных храмов на площади, где предполагалось установить памятник В. И. Ленину, противоречило представлениям новой власти о «светлом безрелигиозном будущем». Закрытие этих храмов нанесло серьезный удар по старинному духовному центру Вологды, более всего почитаемому православными горожанами. Оно сопровождалось подчеркнутой заменой функционального назначения некоторых храмов. Так, например, в здании церкви Иоанна Предтечи в Рошенье в 1930 году был открыт антирелигиозный музей. Закрытие Софийского собора, причиной которого была объявлена неуплата налогов, в действительности имело иную цель. Позднее в соборе — одной из главных православных святынь Вологды — предполагалось устроить отдел антирелигиозного музея. Таким образом, действия властей отличались ясно выраженной идеологической направленностью, которая имела конечной целью построение атеистического общества.

Кроме названных храмов, в течение 1924 года специальными постановлениями Вологодского губисполкома были закрыты: домовая церковь Рождества Христова бывшего Архиерейского дома, все храмы Горнего Успенского и Спасо-Прилуцкого монастырей, церковь Сошествия Святого Духа и часовня в Свято-Духовом монастыре, церкви Федора Стратилата и Михаила Архангела, а также часовни: иконы Казанской Божией Матери на Торговой площади и на Пречистенской набережной и часовня Арсения Комельского. Таким образом, почти во всех исторически сложившихся локусах православной топографии города произошло закрытие храмов и часовен.

Уже в эти годы власть искусственно создавала ситуацию, при которой содержание храма становилось невозможным: устанавливалась высокая арендная плата, предъявлялись неоправданно завышенные требования к техническому состоянию храма (например, ежегодные ремонты за счет общины) и т. п. В случае невыполнения условий следовало либо принудительное расторжение договора на пользование церковным имуществом, либо «добровольный» отказ общины от использования храма, как было в случае с церковью Рождества Богородицы на Верхнем Долу в марте 1926 года. Сложнее обстояло дело в отношении храма Покрова на Торгу. Власть вынесла

решение о закрытии церкви и передачи ее губархиву, несмотря на протесты прихожан, мотивируемые тем, что с 1924 года в одном здании совершали богослужения две приходские общины (Покрово-Казанская и Никольская Сенноплощадская).

В эти годы произошли и первые разрушения храмов. В августе 1924 года Афанасиевская церковь на площади Революции передана «для разбора» коллективу безработных металлистов (рабочих — слесарей и станочников) с предоставлением им всего строительного материала, что останется от этого разбора. Вторым был Михаило-Архангельский храм, который в декабре 1925 года было решено разобрать в связи с тем, что «церковь находится в полуразрушенном состоянии и пришла в совершенную негодность».

Закрытие приходских храмов рождает в среде верующих вологжан беспрецедентную инициативу. В 1924—1928 годах при сохраняющихся храмах образуются межприходские объединения. Совершая богослужения в действующих храмах, священники и верующие закрытого храма продолжали осознавать личную причастность к прежнему храму, несмотря на то, что были лишены возможности молиться в нем. Сохранялись выразительные атрибуты этой автономии: соборный клир и приходской совет, прежнее название общины, антимины, главные приходские святыни и пр. Вероятно, подобная автономия рассматривалась как необходимое условие возможного возрождения приходского храма в будущем. Тогда в это еще верили.

Очередная волна закрытия храмов в Вологде прошла в 1928 году. Тогда по разным причинам в городе были закрыты пять церквей: Вознесенская, Кирилла Белозерского в Рошенье, Зосимо-Савватиевская церкви, теплый (Гавриило-Архангельский) храм Владимирской церкви, а также Знаменская церковь бывшего Свято-Духова монастыря. Отличительной чертой начавшейся новой кампании было то, что инициатива теперь исходила не только от властных структур, но и от общественных организаций, профсоюзных комитетов промышленных предприятий, учащихся. Так, в декабре 1927 года было направлено ходатайство биржи труда о предоставлении коллективу безработных помещения для кондитерской фабрики. Наиболее подходящим для размещения этого производства признавалось здание действующей церкви Кирилла Белозерского в Рошенье. 9 февраля 1928 года церковь была закрыта. В 1929 году в ее здании помещались переплетная, кулечная и игрушечная мастерские. В июне 1928 года рабочие ТМВ (900 человек) выступили за закрытие теплового храма Владимирской церкви и «приспособление его под столовую рабочих мастерских». На собрании общины 1 июля 1928 года прихожане большинством голосов приняли решение «согласиться с требованиями рабочих и губисполкома об оставлении общине одного летнего Владимирского храма и колокольни». Церковь Знамения Божией Матери, расположенная в бывшем Свято-Духовом монастыре, была закрыта по представлению командования десятой стрелковой дивизии, в котором обращалось внимание на тот факт, что «церковь находится на территории, занятой Военведом и его складами, а такое положение не может быть допущено».

После этой волны богоборчества и закрытия церквей центр Вологды почти полностью был «освобожден» от храмов.

Продолжался и снос церковных зданий. 2 августа 1927 года последовало решение о сносе церквей Никольской на Сенной площади и Вознесенской. Объясняли это тем, что храмы мешали плановой реконструкции центра города. Обе эти церкви, а также Рождества Богородицы на Верхнем долу, были снесены в 1928 году.

Самой внушительной по своим результатам стала богоборческая кампания 1929—1930 годов. К ее началу Вологда по-прежнему оставалась крупным церковным центром, где на начало 1929 года оставались незакрытыми 37 православных храмов. В начале кампании закрытие храмов власти по-прежнему объясняли нехваткой помещений для общественных и хозяйственных организаций. На этом основании уже в марте—апреле 1929 года были расторгнуты договоры с Ильинской общиной на право аренды летнего храма (Варлаама Хутынского), с Иоанно-Предтеченской Пустынской общиной

319 Горний Успенский девичий монастырь. Фотография 1890-х годов

1 августа 1924 года в газете «Красный Север» сообщалось:

«Еще в середине июля месяца сего года церковь бывшего Ново-Девичьего (Горнего Успенского девичьего. — Е. С.) монастыря окончательно перешла в ведение отдельной роты связи Энской дивизии. Но устроить в ней что-либо не представлялось возможным ввиду еще неокончательного ее освобождения от различной церковной рухляди.

В субботу 26 июля решено было устроить первый киносеанс для роты, для чего сшили из простыней полотно для экрана, доставили из дивклуба киноаппарат, расставили скамейки, и бывший «божй храм» стал готов для культурной цели.

На первом киносеансе присутствовали почти все красноармейцы, и все остались весьма довольны.

Первый камень превращения бывшего гнезда темноты и невежества в культурно-политический уголок — заложен.

Военкор Н. Малыгин».

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

7 мая 1925 года газета «Красный Север» сообщала: *«В привокзальном клубе железнодорожников после торжественного заседания 1 мая состоялась “звездины” ребенка граждан Капитоновых. Вместо поповской купели — гражданский прием в трудовую семью. Это по-первомайски».*

320 Разрушение Никольской церкви на площади Революции. Фотография 1928 года

В сентябре 1929 года в Вологде состоялась городская конференция Союза воинствующих безбожников (массовой организации СССР 1925–1947 годов, члены которой вели атеистическую пропаганду) и начался сбор средств на танк «Безбожник».

Редакция газеты «Красный Север» осенью 1929 года принимала участие в кампании по сбору средств на танк «Безбожник». 21 сентября были опубликованы соответствующие призывы к населению Вологодского округа: «Лучшей увязкой антирелигиозной пропаганды с обороной страны, лучшим ответом на лживое миролюбие религиозных организаций, лучшим ответом на провокационные выходки китайских властей на КВЖД мы считаем постройку танка «Безбожник».

Итак, наш клич: «Долой религиозный дурман и лживое церковное миролюбие!». Даешь танк «Безбожник»!».

«КРАСНЫЙ СЕВЕР»

КОЛОКОЛА--В КОТЕЛ!

От рабочих и колхозников Вологды мы получаем в редакцию «Красный Север» много писем, в которых просят закрыть все храмы в Вологде. Мы рады этому и постараемся сделать все возможное, чтобы закрыть все храмы в Вологде.

ЖДЕМ РЕШЕНИЙ ГОРСОВЕТА

Колхозники--в фонд индустриализации

Ваша задача, колхозники, в том, чтобы вносить в фонд индустриализации как можно больше средств. Это поможет нам быстрее построить новые фабрики и заводы.

ЦЕРКОВЬ--ПОД КИЛБ

Религия в службе Советскому государству играет отрицательную роль. Мы должны бороться с ее влиянием на население.

В РАЯХ БЕЗБОЖНИКОВ

В районах, где нет храмов, люди живут более свободно и активно участвуют в общественной жизни.

Ни одного прогульщика

Ваша задача, рабочие, в том, чтобы не прогуливать работу и выполнять ее качественно.

НЕТ БОЛЬШЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Следует прекратить все религиозные праздники, так как они мешают работе и учебе.

Антирелигиозный поход города

В городе начат антирелигиозный поход. Мы собираемся закрыть все храмы и ликвидировать их имущество.

Котел--под тракторную мастерскую

Стальная конница коллективизации--тракторы идут ремонта.

— на летний храм. В июне этого года под окрархивбюро (окружное архивное бюро) была передана Казанская церковь, под валяльную мастерскую — зимний храм Георгиевской церкви, в июле под хлебозавод — Власиевская церковь, в августе—октябре Иоанно-Предтеченский Пустынский храм был передан артволку десятой стрелковой дивизии для использования под культурно-спортивные и хозяйственные надобности. Завершающим шагом в ликвидационной политике 1929 года стало закрытие Никольской Глинковской, Владимирской и Екатерининской церквей.

Начавшееся массовое закрытие церквей отличалось большой спешкой, обусловленной ростом напряженности социально-экономической ситуации в стране и попыткой властей найти внутренних врагов, на которых можно было бы возложить ответственность. Попытки связать религию с контрреволюцией были и раньше, но широкий размах они приобрели в ходе трудных государственных хлебозаготовок 1928–1929 годов. В течение 1928 года И. В. Сталин трижды выступал по поводу наступления на «кулака» и призывал к развертыванию решительной борьбы с религией.

Ликвидационная кампания 1930 года состояла из трех хорошо спланированных акций. 30 января этого года принято постановление о расторжении договоров с религиозными общинами Антипьевской, Георгиевской, Иоанно-Златоустинской, Леонтиевской, Петропавловской, Покрово-Козленской, Спасо-Преображенской Фрязиновской, Сретенской, а несколькими днями раньше и с Никольской Золотокрестинской. Основной повод к закрытию церкви административный отдел горисполкома увидел в том, что «во всех указанных церквях религиозные общины совершенно не производили никакого ремонта и очень плохо отапливали, что грозит разрушением зданий, а также общины по количеству в них членов незначительны и могут безболезненно перейти в другие poblности храмы».

Таким образом, в период с марта 1929 года по март 1930 года в Вологде в срочном порядке были закрыты 32 храма. При этом апогей кампании приходился на период с конца января по начало марта 1930 года, когда были закрыты 22 церкви. В городе остались действующими кафедральный Воскресенский собор, кладбищенская церковь Рождества Богородицы (теплый и холодный храмы), кладбищенские Введенская и Лазаревская церкви. Действующие храмы были теперь (кроме кафедрального собора) рассредоточены по кладбищам, на окраинах города. Однако на этом усилия властей по освобождению строителей социализма от влияния религии — «опиума для народа» — не прекратились.

В течение 1930-х годов было снесено шесть храмов: Иоанно-Предтеченский в Дюдиковой пустыни — в 1932 году, Георгиевский (летний), Федора Стратилата и Воскресенский — в 1936 году, Спасо-Преображения на Болоте и Введенский (летний) — в 1937 году.

В период массового закрытия фактически произошло разрушение приходской сети города. Приход как исторически сложившееся городское территориальное сообщество был ликвидирован. Оставшиеся четыре храма выполняли функции уже не столько приходских, сколько общегородских духовных центров. В это время в теплом Богородском и Лазаревском храмах совершали богослужение «староцерковники», то есть общины, находившиеся под юрисдикцией Патриаршего Престола. Кафедральный собор, верхний (летний)

Блок антирелигиозных статей в газете «Красный Север» от 27 декабря 1929 года

храм церкви Рождества Богородицы и часть Введенской церкви принадлежали «новоцерковникам» — обновленцам, отделившимся от Патриарха в начале 1920-х годов. В одном из приделов Введенской церкви служили «григорианцы», не признавшие положения декларации митрополита Сергия от 1927 года. Такая ситуация сохранялась до 1938 года. Власть на какое-то время как бы самоустранилась от вопросов регулирования религиозной жизни, надеясь на то, что дальнейшее свертывание и затухание этой жизни произойдет как в результате внутренних разногласий в церкви, так и под воздействием антирелигиозной работы Союза воинствующих безбожников, общественных, партийных, комсомольских и других организаций.

Окончательное свертывание церковных структур в Вологде приходится на конец 1930-х годов. Специальными постановлениями президиума Вологодского горсовета от 5 марта 1938 года были закрыты кафедральный Воскресенский собор и Введенская церковь, а 2 декабря 1938 года — холодный (верхний) храм церкви Рождества Богородицы. Обновленческие общины, бывшие при этих храмах, объединились в одну — при Лазаревской церкви. Позднее, вероятно, с самоликвидацией обновленческой общины в Вологде, оказалась закрыта и эта церковь. В результате к 1940 году в Вологде остался лишь один действующий храм — Рождества Богородицы, занимавший первый этаж здания.

В 1932—1933 годах Вологодскую епархию возглавлял архиепископ Венедикт (Плотников), носивший титул Кронштадтского. Владыка Венедикт известен как активный сторонник Патриарха Тихона, проходивший в качестве обвиняемого в известном судебном процессе над митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским). Петроградский революционный трибунал приговорил епископа Венедикта (Плотникова), митрополита Вениамина и других (всего 8 человек) к высшей мере наказания, которая была заменена тюремным заключением. 5 декабря 1925 года он осужден и выслан в пределы Иркутской губернии, сроком на 3 года. В феврале 1937 года он был осужден вновь.

Из одиннадцати вологодских архиереев, управлявших в разные годы Вологодской епархией, шестеро были репрессированы: епископ Александр (Трапицин), архиепископ Амвросий (Смирнов), архиепископ Венедикт (Плотников), епископ Николай (Караулов), епископ Иоанн (Соколов), епископ Георгий (Анисимов).

Большой интерес представляет выяснение состава и характера деятельности православных общин Вологды. Именно они в трудные годы были призваны сохранить духовную традицию, адаптировать ее к сложнейшим социально-политическим условиям, сбереечь ее для будущих поколений горожан.

Источники позволяют представить численность приходских общин Вологды в 1920-х годах. Так, в 1923 году официально состоящими в общинах значилось 3551 человек (1818 мужчин и 1733 женщины), в 1926 году — 5105 человек (2134 мужчины и 2971 женщина). К 1 января 1929 года численность приходских общин достигла максимальной отметки, составив 7250 человек. Необходимо также отметить, что сюда включены лишь те воцерковленные граждане, кто добровольно дал согласие включить свои имена в списки общин и приходских советов, что в тех условиях свидетельствовало об их большом личном мужестве и преданности православной вере. Именно они приняли на себя ответственность за жизнедеятельность храма и причта. На самом деле число вологжан, посещавших храмы и считавших себя православными, конечно же, было более значительным.

Вплоть до конца 1920-х годов воцерковленная часть вологжан представляла собой влиятельную и разнообразную группу, вобравшую в себя все возрастные и социальные слои населения, почти в равной степени представлявшую мужчин и женщин. Они сохраняли традиционные формы религиозного общения, поддерживали уставное богослужение, соблюдали церковный календарь, осознавали самоценность обрядов жизненного круга, общегородских и приходских крестных ходов и др. Их усилия сконцентрировались на сохранении самого института прихода: с этим было связано нарастание

16 декабря 1929 года Президиумом ВЦИК было принято постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквях». Вскоре, 29 декабря 1929 года, на заседании президиума Вологодского горсовета принято решение о запрещении колокольного звона во всех церквях города, а также выработано предложение к ВЦИК с просьбой разрешить снять колокола с городских колоколен и передать их в фонд цветной металлургии.

5 января 1930 года в газете «Красный Север» была опубликована статья под названием «Ударной работой, личным соревнованием ответим на вылазки церковников», в которой говорилось:

«С исключительным трудовым подъемом рабочие вологодских предприятий провели второй День индустриализации и коллективизации Северного края. Этот подъем доказывает, как близко и чуток понимают рабочие и трудящиеся генеральный курс коммунистической партии.»

День индустриализации был связан не только с большими производственными достижениями, но и с усиленной антирелигиозной работой. Рабочие единодушно высказались против поповских праздников, против пьяного Рождества, против надоедливового колокольного звона.

Колокола на индустриализацию! — таков их клич...

7 января (25 декабря по ст. стилю) опы проводят один из самых выгодных и потому торжественных для себя дней. Уже сейчас они развивают агитацию за то, чтобы в этот день не работать, а отдыхать. Но этот “отдых” они понимают как пьянство, обжорство и моление...

Рабочие организации должны теперь же дать отпор этой мракобесовской агитации против нашей пятилетки. Спихнув с нашей дороги поповское Рождество, мы закрепим трудовой подъем в День индустриализации и усилим борьбу за новые достижения...

Мы не сомневаемся, что все рабочие вологодских предприятий не пойдут на удочку попов и различных кликуш, 7 и 8 января они будут стоять у своих станков и машин, сильнее крутя и двигая ими.»

По материалам Управления НКВД по Вологодской области: «В 1937 году в г. Вологде была ликвидирована церковно-монархическая повстанческая организация с широким разветвлением повстанческих групп по ряду районов Вологодской области, в том числе:

*Сокольский район — 10 групп — 128 человек,
Тотемский — 3 — 32 чел.,
Усть-Кубенский — 2 — 39 чел.,
Кубено-Озерский — 1 — 18 человек,
Грязовецкий — 3 — 41 человек,
Чибсарский — 1 — 12 человек,
г. Вологда и район — 3 — 65 человек.*

Всего по делу было арестовано и осуждено 345 человек. Из них: служителей культа — 147 человек, бывших монахов и монахинь — 55 человек, кулацко-церковного актива — 143 человека.»

Цитируется по: Цветков С. Н. Политические репрессии против вологодской православной церкви в 1937—1938 гг. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 6. Вологда, 2000. С. 183.

Отрывок из письма пионера, опубликованного в газете «Красный Север» 31 августа 1924 года под заголовком «Новый быт — новые имена»:

«Так вот, ребята, — раздался звучный голос вожакого отряда № 6, — и к чему нам, пионерам, носить имя в честь какого-нибудь святого, вся святость которого состоит в том, что он ради наживы морочил людей, живя в уединении. Он, избегая труд, приобрел через это божественность.

Ведь все святые состряпаны на один покров, а потому возьмем в пример один образчик. Хотя бы преподобного Сергия.

Предан был делу Божию святой старец, — говорит о нем летопись. Основал лавру, — говорится дальше.

А как он ее основал? — это вопрос.

Заглянем-ка поглубже: сколько бедняков работало для Сергия, а чем он им платил? Обещаниями светлой жизни в раю, а все доходы от храма шли в карман святого отца».

Эти слова пионерами были встречены дружными аплодисментами, и через день в списках красовались имена: Лентрозина (Ленин-Троцкий-Зиновьев.— Е. С.), Менин, Лентро. Вот как юные пионеры строят новый быт.

Лентро Ершин».

ощущения соборности, солидарности, закрепления опыта жертвенности во благо церкви.

Перелом в численном составе приходских общин произошел в 1929–1930 годах. Сводки горисполкома показывают, что в течение 1929 года он сократился на 1950 человек и составил на 1 января 1930 года 5300 человек, а к октябрю 1930 года — 2226 человек. Столь интенсивное течение процесса было предопределено массовым закрытием храмов в Вологде в 1929–1930 годах. В 1931 году при приходских общинах четырех действующих храмов значилось 2264 человека, а в 1933 году — 1688 человек. Таким образом, Православная церковь стала быстро утрачивать былые позиции в жизни города и своих приверженцев.

К этому же времени относятся и существенные изменения в православной повседневноности. По всей видимости, раньше всего свелась к минимуму практика церковных венчаний. Все более затруднялась практика крещения, которая со второй половины 1930-х годов обретала, наряду с традиционными, скрытые формы: тайные крещения, крещения на дому, крещения мирянами и т. п. Дольше других сохраняла открытый характер похоронно-поминальная обрядность, а также обычаи иконопочитания как в храме, так и в семье, в которой православные видели «домашнюю церковь». В целом церковная жизнь и православная этика как самоценные соционормативные установки сохранялись в течение всего рассматриваемого периода даже на фоне их публичной критики и осмеяния. К концу 1930-х годов, все больше лишаясь официального, общественного понимания и признания, церковная жизнь замыкалась в стенах храма и кругу семьи.

Партийный, комсомольский и профсоюзный нажим, а также активизация атеистической работы, принимавшей иногда весьма грубый и циничный характер, привели к тому, что из рядов православных общин последовательно «вымывались» сначала учащиеся, торговцы, служащие, а затем — рабочие и крестьяне. В результате привлекательный состав общин был деформирован. Подавляющее большинство в нем уже с середины 1930-х годов составляли пожилые неработающие женщины. Именно на них легла основная доля ответственности за сбережение православной традиции.

Активность прихожан сменилась тенденцией к сворачиванию общественно-значимой сферы православной традиции, усилению внимания к обрядности в ущерб всесторонней катехизации. Доминирующей становится установка на выживание. Резкое постарение приходских общин в 1930-е годы превратило церковь в глазах «безбожной» власти в малоопасный институт, своего рода анахронизм, и в какой-то степени защитило ее от дальнейших репрессий.

В 1920–1930 годы велась борьба не только с православием. Организаторы антирелигиозных кампаний в Вологде не обошли «вниманием» и представителей других конфессий.

У католиков изъяли каменное здание костела, в котором в 1930 году был организован пионерский клуб. Ныне в этом здании (улица Галкинская, 37) располагается ресторан «Мишкольц».

К концу 1929 года в деревянном здании лютеранской кирхи размещался латышский клуб, а в деревянном здании синагоги — рабочий клуб Тяговых мастерских Вологды (который в народе почему-то именовался «коробочкой»). В настоящее время на месте разрушившейся в 1980-е годы кирхи (улица Предтеченская, 75) — пустырь, а на месте синагоги находится здание поликлиники № 3 горбольницы (улица Благовещенская, 39).

Здание, в котором располагалась кирха. Фотография 1983 года

Клуб ТМВ и библиотека в здании синагоги. Фотография начала 1930-х годов

322

323